

ИЩИТЕ КОТА

Дина извинилась. В подобной ситуации ничего глупее было сделать нельзя. Дина застыла в проеме двери и смотрела на мужа и лучшую подругу Настю, которые лежали на диване в недвусмысленной позе.

— О! — задохнулась Дина. — Извините!

И улыбнулась. Было так больно, что даже смешно. Наверное, это и называется парадоксальной реакцией — когда мимика, движения, слова, поступки не соответствуют внезапному шоку. Как если бы человеку отрубили руку, а он продолжил рассказывать начатый анекдот.

«Лучше руку отрубить, — стучало в голове у Дины обрывочно, — и анекдот, и пусть две руки, и ноги, и голову, только не это».

Она повернулась и пошла к выходу. Минуту назад она влетела домой радостная и веселая. Одна минута между счастьем и крахом, между жизнью и смертью. Будто полет пули. Сколько пуля пролетает за минуту? Не важно, ведь убивает наповал.

Дина шла по улице, никого не замечая. Ее постоянно толкали. Людской поток сродни муравьиному — каждая особь петляет, лавирует, избегает столкновений. Дина двигалась как заведенная игрушка — строго пря-

мо, не отклоняясь, поэтому ее толкали и бранились в спину: «Смотреть надо!», «Слепая?» и даже «Куда прешь?». Дина ничего не слышала, да и не видела. Если бы в эту минуту с неба спустился корабль инопланетян, то Дина осталась бы единственным человеком, равнодушным к небывалому событию. У нее перед глазами не было спешащих людей, проносащихся мимо автомобилей, ярких витрин магазинов, деревьев, укутанных дымкой молодой июньской листвы. Только голограммой маячил перед лицом снимок Сергея и Насти. Они лежат, он сверху, она снизу, головы повернули к ней. Почему-то выражения лиц не рассмотреть. Досада, стыд, испуг — что на лице? Не запомнилось. Но четко — грудой сброшенные джинсы, его и ее, Настина белая ляжка, волосатая нога Сергея, его рука, заведенная под ее ягодички. Настя в красной кофточке, на Сергее синяя футболка — они голые только снизу, а до пояса одетые. Торопились.

Спустившись по лестнице в метро, толкнув стеклянные двери, Дина подошла к турникету, достала из кармана жакета проездной, загорелся зеленый огонек, она двинулась дальше. Подошел поезд, Дина вошла в вагон, взялась за поручень. Она не проехала станцию пересадки, вовремя вышла, перешла на другую линию. Она двигалась по привычному маршруту — на работу. Могла бы проделать путь с закрытыми глазами, так, собственно, сейчас и было. Дина не знала, зачем она едет на работу. После каждого слова можно поставить вопросительный знак. Зачем едет? Зачем на работу? Зачем она? На последний вопрос, пожалуй, есть ответ. Она — ни к чему и теперь ни к кому, она — даже не тряпка, о которую вытерли ноги. Тряпка материальна, а Дина — ничто, вакуум, дырка в пространстве.

Она не тронулась умом, решив проделать обратный путь, как открутить назад кино, в котором случилось

плохое, чтобы начать с точки благополучия заново. Ума у Дины не было, и тронуться было нечему, как не было мыслей, чувств, эмоций. Она не отличила бы сейчас жар от холода, благоухание роз от запаха керосина, акулы от лягушки, раскат грома от шепота травы. Вероятно, напуганный громадным стрессом организм заставлял ее тело двигаться, и оно автоматически шествовало по рутинному маршруту.

Пройдя через сквер, Дина вошла в здание. Тут находилась фирма по поставке медицинского оборудования, в которой Дина работала заместителем начальника финансового отдела.

— Добрый вечер! — приветствовал ее охранник. — Забыли что-нибудь?

Дина молча прошла мимо, даже не повернув головы. Охранник удивился: Дина всегда приветлива, вежлива. И обиделся: вот такие они, женщины, — то все из себя ласковые, то, как на хвост им наступят, в упор не видят.

— Дина? Вы ко мне?

Она уткнулась в исполнительного директора Максима Буданова. Она бы в него врезалась, не посторонись Максим. Он только вышел из своего кабинета, в руках держал портфель. Его кабинет был последним по коридору, дальше просто некуда было идти.

— Что? Да, — пробормотала Дина.

Максим открыл ключом замок, который только что закрыл, распахнул дверь:

— Проходите!

Она послушно вошла, села на стул справа от приставного столика. Она уже тут сидела час или два назад. Приходила устраивать на работу свою подругу Настю. В фирме искали менеджера в отдел по продажам перевязочных материалов. Дина рекомендовала Настю, говорила об ее активности, коммуникабельности. Раньше работала в нескольких торговых фирмах различно-

го профиля, хотя по образованию логопед. Опять-таки медик, специфику легко освоит. Буданов согласился взять Настю, с испытательным сроком, конечно.

Дина позвонила подруге:

— Приезжай к нам, у меня отличная новость!

— Уже на месте, — весело сообщила Настя.

И Дина подумала, как это славно, что Настена к ним заглянула, и летела домой как на крыльях, несла в клювике радостную весть. А потом ее подстрелили — от птицы осталась только куча кровавых перьев.

— Дина! — позвал Буданов. — Я вас слушаю.

Он уже несколько минут сидел напротив нее. Дина молчала, смотрела куда-то мимо его уха.

— Дина! — повысил он голос.

Она перевела взгляд на Максима, теперь она смотрела ему прямо в глаза, но сквозь глаза, точно Максим был стеклянным или вовсе невидимым. Дина выглядела как человек, получивший страшную информацию, в которую никто не поверит, хотя она достоверна. Например, что завтра начнется мировая атомная война и все погибнут.

— У вас все в порядке? Вы о чем-то хотели со мной поговорить? — Максиму ничего не оставалось, как задавать вопросы. — Может, воды?

Он встал, достал из встроенного холодильника бутылку воды, налил в стакан, протянул:

— Дина, вы хотите воды?

Никакой реакции.

— Очнитесь, наконец! Или я вылью эту воду вам на голову!

Угроза не подействовала. Максим поставил стакан на стол, двумя руками взял Дину за плечи и потряс:

— Эй! Ау! Ку-ку! Вы на планете Земля. Просыпайтесь!

— Что вы делаете? — подала голос Дина.

Максим обошел стол и снова сел напротив нее.

Дина озиралась по сторонам, явно не помня, как она здесь оказалась. Потом требовательно уставилась на Максима:

— Зачем вы меня пригласили?

— Я пригласил?

Дина ждала ответа с хмурой гримасой, не скрывая, что любые разговоры ей сейчас вести недосуг.

— Строго говоря, пригласил, — согласился Максим.

— Я вас слушаю.

— Э-э-э, — не знал он, о чем вести речь. — Хочу напомнить, некоторое время назад мы уже здесь с вами общались. Вы просили о своей подруге...

Он запнулся на полуслове, потому что Дина вдруг дернулась, как от удара плетью.

— Извините! — вскочила она. — Я не могу сейчас разговаривать. Простите! Я постоянно извиняюсь, — бормотала она, шагая к окну. — Как это глупо.

Перепутав направление, Дина уткнулась в окно, несколько секунд ей понадобилось, чтобы понять — через окно наружу не выходят. Она отвернулась, нашла глазами дверь и двинулась на выход.

Для Максима это был бы очень удобный вариант развития событий. Максим устал, был голоден, через полтора часа по телевизору покажут футбольный матч, который он хотел посмотреть. С другой стороны, бросить человека в том состоянии, в котором находилась Дина, было бы полнейшим свинством. Ее надо передать на руки близким или сдать психиатрам, если она скоропостижно чокнулась. Хотя последнее — вряд ли. Сумасшедшей Дина не выглядела, скорее — потрясенной, эмоционально контуженной каким-то горем.

Максим схватил портфель и поспешил из кабинета. Закрывая дверь, крикнул в спину Дине:

— Подождите!

Она не слышала, не остановилась. Максим догнал ее на середине коридора, взял за локоть:

— Дина, давайте я вас провожу.

Ни на его прикосновение, ни на предложение Дина никак не отозвалась. Мимо охранника они прошествовали как парочка, связанная особыми отношениями: безучастная Дина, заглядывающий ей в лицо, придерживающий ее за руку Максим. Он повернул голову и попрощался с охранником, она не проронила ни слова.

«Ага! — сделал выводы охранник. — Оказывается, у Буданова с Диной роман. А ведь она замужем. Теперь она залетела, дело житейское, пришла к Максиму права качать, а он — в кусты, мол, сама не маленькая, знала, на что шла. Но Буданов боится, как бы Дина шум не подняла. Известное дело: баба залетает, а мужику расхлебывай, уговаривай ее аборт сделать».

Как большинство людей, которые маются от оплачиваемого безделья, охранник любил сплетничать и с удовольствием предвкушал, как завтра расскажет администратору Катерине про шуры-муры Буданова и Дины из финансового отдела.

Здание, в котором находилась их фирма, окружал небольшой сквер. Дина пошла не к выходу, а по аллее сквера. Максим давно отпустил ее руку, перестал задавать вопросы, просто шел рядом.

Все женщины делились для Максима на два разряда: женщины-да и женщины-нет. Женщины-да не обязательно были доступными особами легкого поведения. Доступность могла быть очень-очень теоретической, но присутствовали кокетство, игривость во взгляде, заигрывание в манерах, ужимках. Они как бы говорили: «Ты мне друг, товарищ, коллега. Но ты еще и мужчина — я это вижу, чувствую, знаю. А ты видишь, что я женщина?» Для женщин-нет после списка «друг, товарищ, коллега»

стояла точка, и продолжения не следовало. Самое удивительное, что даже среди незамужних, одиночек, которым по определению следовало вести себя призывно, заигрывать, встречались женщины-нет. В них отсутствовало внешнее, трудно описуемое словами проявление биологической сущности. Проще говоря, инстинкт самки. В природе самки и самцы исполняют ритуальные танцы, даже если знают, что в итоге акта совокупления не случится. У бывшей жены Максима «Да! Да! Да!» было написано на лбу большими буквами. Просто он не умел читать, когда женился, и в годы супружеского бытия этой грамоты не освоил. Дина была женщиной-нет. Среднего роста, с ладной фигуркой и милым улыбочивым лицом. Но ее частые улыбки не несли никакого сексуального подтекста, точно улыбки ребенка. С первого взгляда было понятно, что Дина прочно и счастливо замужем, что она относится к тем женщинам-нет, которые выходят замуж, как принимают схиму.

Зазвонил сотовый телефон Максима. Дина вздрогнула и остановилась. Он ответил на звонок, наблюдая за переменной в лице Дины. Похоже, она снова пришла в себя.

Максим быстро свернул разговор и спросил:

— Что у вас случилось? Вы кого-то потеряли?

— Да, мужа.

— О! Соболезную. Он умер, погиб?

— Нет, я умерла.

— Понятно.

Ему действительно было понятно, что случилось с Диной. Ситуация типичная, хоть и болезненная. Дина не первая и не последняя, кто узнал об измене мужа. Особого сострадания Максим не испытывал. На голодный желудок высокие чувства его не посещали.

— Смею заметить, — говорил Максим, — что внешне вы вполне живая, и торопиться на тот свет не следует, мы там проведем всю вечность...

Дина вдруг стала преображаться на глазах. Она улыбнулась сначала робко, потом шире, облегченно вздохнула.

Нашелся выход! Разом избавиться от этой невыносимой боли унижения, бессмысленности существования, черного смолянистого мрака, в котором невозможно дышать. Есть выход — надо покончить с собой. Сразу будет покойно, легко, уже сейчас, когда пришла спасительная мысль, стало свободнее в груди и светлее в голове.

— Черт! — выругался Максим.

Он прекрасно видел, что происходит с Диной. Получилось, что он невольно подтолкнул ее к суициду. А ведь все сложилось почти удачно — Дина очухалась, можно было ее оставить и пойти, наконец, ужинать. Теперь же, пока он набивает брюхо, она бросится с моста или под поезд. Анна Каренина, ексель-моксель!

— Послушайте, Дина... — хмуро начал он.

— Как вы тут оказались? — перебила она.

— Так же, как и вы. Мы с вами гуляем, уже пять кругов нарезали вокруг здания.

— Да? Я не заметила. Вы идите, Максим! А я еще поброжу.

Ей очень хотелось, чтобы он ушел. Предаться в одиночестве счастливым, утешительным мыслям о самоубийстве. Смаковать их, тешиться, крутить во все стороны, примерять и так и эдак. Дина внутренне ликовала, приятно было снова видеть и слышать, мыслить связно и логично. С глаз точно спала пелена, из ушей и ноздрей вынули ватные затычки, окружающий мир вернулся — заблестел, зазвучал, запах.

— Всего доброго, Максим! — попрощалась Дина.

— Ничего доброго! — огрызнулся он. — У вас есть дети?

— Да.

— Дочь?

— Да. То есть нет. Сын. О, ужас! — Дина со стоном закрыла лицо руками.

— Вот именно! — поддакнул Максим.

Дина вспомнила свой навязчивый страх в детстве — страх маминой смерти. И ее собственный сын, пятилетний Сережа-маленький, недавно попросил:

— Мама, скажи мне точно, когда ты умрешь, чтобы я подготовился.

— Не нужно готовиться, сыночек. Это будет еще очень-очень не скоро. Я буду старенькая, а ты совсем взрослый.

— Какая старенькая, как бабушка Оля? — требовал конкретизировать сын.

— Намного старше. Бабушка Оля у нас в полном расцвете сил. Такая старенькая, как на рисунке в книжке со сказками.

— В платочке?

— В платочке, — согласилась Дина.

— Ты умрешь, — продолжал уточнять Сережа-маленький, — когда начнешь носить платочек?

— Можно и так сказать. — Дина посчитала нужным свернуть тему. — А ты знаешь какой будешь взрослый?

— Как папа?

— Еще взрослей. И у тебя, — грозным голосом заговорила Дина, — будет расти борода. Вот тут, тут и тут. А здесь усы, — щекотала она сына. — И в других местах появятся волосики. Еще не появились? — Она забралась ему в подмышки. — Ой, что-то есть! Тут живет смешинка.

Сережа-маленький хохотал и счастливо верещал. А потом он забрался в ее шкаф, вытащил все шейные платки и косынки, заодно прихватил шарфы и выкинул в мусорное ведро.

— Не слишком ли круто ты обошлась со своим гардеробом? — спросил вечером муж, Сережа-большой.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Дина.

— Я только что отнес на помойку ведро, набитое твоими платками.

— Как отнес? — ахнула Дина. — Как на помойку?

Она не может покончить с собой, потому что жизнь сына во сто крат дороже ее собственной. Открывшаяся было дверь с надписью «Запасной выход» ей не подходит. Нужно повернуться и идти в другую сторону, снова во мраке, без кислорода, без надежды.

Максим наблюдал очередное превращение Дины из разумного человека в зомби. На ее лице застыла улыбка, но это уже была улыбка жалкой сомнамбулы, которая бродит во сне с открытыми невидящими глазами.

— Пойдемте! — взял Максим Дину за локоть и повел к выходу.

Она безропотно, механически подчинилась. Если бы он оставил ее на скамейке и сказал: «Сидите!» — она бы сидела. Если бы развернул от себя и велел идти в противоположную сторону, она бы пошла. На более сложные команды: «Говорите!», «Отвечайте!» — Дина не реагировала. Максиму не удалось узнать, где она живет, по какому номеру можно связаться с ее родными. И советы не расстраиваться, не отчаиваться, потому что все пройдет, зарубцуются, были пропущены мимо ушей.

Два вопроса: «Как он мог?» и «Как она могла?» — сначала просто стучали в Дининой голове. Потом вырвались наружу, разрослись до гигантских размеров, одеревенели, превратились в ящик, который накрыл Дину. Ящик напоминал крышку гроба. Она не пропу-

скала воздух, звуки, но под нее свободно заползали другие вопросы-муравьишки, упреки-букашки, обиды-жучки. В душном темном гробу насекомые кусались безжалостно.

Дина очнулась от боли в пальцах. Они с Максимом сидели друг напротив друга на диванчиках в полутемном ресторане. Столики отгорожены высокими панелями, тихо звучит музыка, слышен гомон и звон приборов. Дина не помнила, как они сюда пришли, как Максим сделал заказ официанту. Максим крепко сжимал ее кисть.

— Ой! — Дина попыталась выдернуть руку.

Максим ослабил хват, но руку не отпустил.

— Навели на резкость? — спросил он. — Я, конечно, благодаря кинематографу знаю, как выводить людей из ступора. Но представьте, как это будет выглядеть, когда я начну вас хлестать по щекам, брызгать водой? Очнулись? Прекрасно.

— Ресторан? — удивленно оглянулась по сторонам Дина.

— Ресторан, — подтвердил Максим. — Сейчас вы будете есть и пить. Сначала пить.

Он пододвинул к ней пузатый фужер, наполовину наполненный коричневой жидкостью.

— Коньяк. В лечебных целях. Быстро выпить.

— Я не пью.

— Пьете! Или я насильно волью, предварительно надавав по физиономии. Я не шучу!

«И вы мне порядком надоели, — добавил он мысленно. — Что б мне было уйти с работы на полчаса раньше».

— Но... — начала Дина.

— Никаких но! — жестко сказал Максим.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Дина.